

От гуманизма – к любви

Был в истории России один духовный феномен. Это Александр Николаевич Радищев. Вызывает удивление степень духовного сострадания, которая была присуща этому внешне весьма благополучному человеку. Директор самой большой в России таможни, вполне благополучный дворянин, Радищев вдруг проявляет невиданную решимость в осуждении существующих порядков. А решимость – от озарения: "я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвлена стала" – пишет он в предисловии к "Путешествию из Петербурга в Москву". Далее Радищев сообщает, что: "обратил взоры мои во внутренность мою – и узрел, что бедствия человека происходят от человека, и часто от того только, что он взирает непрямо на окружающие его предметы". Что же узрел писатель, взглянув "прямо" на предметы и себя самого?

"Я человеку нашёл утешителя в нём самом. "Отыим завесу от очей природного чувствования – и блажен буду..." – я почувствовал, что возможно всякому соучастнику быть во благоделии себе подобным. Сея мысль, побудившая меня нечестать, что читать будешь".

Неизвестно, читал ли Радищев труды святых отцов церкви. Судя по приведённым отрывкам, он хотел описать своими словами состояние духовного прозрения. Это не просто эмоции культурного человека, которому вдруг стало стыдно за общество, допустившего сиротство. Это не жалость воспитанного дворянина. Слеза на камзоле – это, скорее всего, вспышка евангельской любви к ближнему, искра в душе от проникновения в неё Святого духа. Эта любовь универсальна и всеобъемлюща. Как говорил Иоанн Златоуст – она включает в себя смысл и значение всех остальных заповедей Нового Завета. Этому нельзя научиться в каком-то культурном учреждении, потому – что это не элемент культуры, это начало преобразования в нового человека!

Некоторые исследователи пишут, что русское общество того времени не было готово к тому, чтобы проявить такую же (как Радищев) духовную решительность в осуждении страданий, претерпеваемых низшими сословиями. Не готово – слишком слабо сказано. Русское общество вообще двигалось в своём развитии совсем в другом направлении. Высшие сословия обратили свои взоры к европейскому просвещению. Стало модным изучать труды Монтескье, Руссо, Мабли и Гельвеция. Писатель и историк Н.М. Карамзин в "Письмах русского путешественника" с каким-то восторгом пишет: "мы не тако-

вы, как брадатые предки наши; тем лучше. ...Для нас открыты все пути к утончению разума и благородным душевным удовольствиям.

Валерий СКРИПКО

Если вспомнить: какие "брадатые предки", например, протопол Аввакум и его последователи, показывали удивительный пример служения Иисусу Христу и его Святому делу, станет ясно, что Карамзин взял общество куда-то прочь от православия. Вместо искренних религиозных переживаний вплоть до самозабвения, вместо отношения к христовым заповедям, как к способу жизни, дворянин с головой ушёл в жизнь светскую. Ему казалось, что государство и добрые нравы в нём можно создать исключительно разумом. Что делали современники Радищева – государственные и общественные деятели? Одни писали нравственные наставления молодому поколению, другие участвовали в развитии русского просвещения, третьи критически осмысливали происходящее. (И.Н. Курочкина. *Дворянский этикет в России 18-го века*)

К последним культурологи относили, очевидно, и Радищева. Но в его лице мы имеем совершенно другое духовное явление – живую душу православия в светском человеке.

А.Н. Радищев тоже прошёл основательную школу европейских философов – просветителей в Лейпцигском университете. Однако четыре года учёбы не превратили студента Радищева в материалиста. Слишком сильна в нём была православная закваска, о которой сам он, возможно, и не догадывался.

В то время как дух европейского человека отворачивал от мистического центра, отошёл от церкви, рационализировал и механизировал жизнь по выражению профессора С.Н. Булгакова, в России периодически заявляли о себе носители православного духа. В отличие от своих европейских учителей, Радищев не мог смотреть на российскую действительность с точки зрения вне-религиозного гуманизма. Чужие страдания он воспринимал как свои. Без избавления от них ближнего он не видел и своего личного счастья. Этот вы-

вод напрашивается сам собой! Потому что иначе трудно понять: как вдвоец – отец четырёх детей, младшему из которых не исполнилось и семи лет, вдруг пишет гневную обличительную книгу, понимая, что может вызвать гнев царицы и суровое наказание. А, значит, и лишиться возможности общения с детьми. Их он оставил под надёжной опекой богатых друзей. Но карьеру свою погубил и навсегда стал врагом царской власти.

"Путешествие из Петербурга в Москву" (далее кратко "Путешествия..." –

В.С.) Радищева впервые вышло отдельным изданием в 1790 году. Через год в "Московском журнале" писатель Николай Михайлович Карамзин начал печатать "Письма русского путешественника". Какая пропасть в духовном содержании двух произведений, написанных в одно время! Возьмём только один эпизод из "Путешествия...". Радищева потрясло (как он пишет: до внутренности) зрелище похорон в Яжелбицах. Отец плакал над могилкой сына, умершего от болезни, переданной им по "наследству" отцом. Судя по всему, речь шла о сифилисе. Автор "Путешествия" в стонах безутешного отца услышал и своё осуждение. Вспомнились дни распутной юности самого автора "Путешествий..."! Он горько сожалел, что государство, дозволяя "мздоимное" распутство, отравляет жизнь граждан и отрывает путь ко многим порокам. Радищев смотрит на жизнь глазами христианина и, благодаря внутреннему глубокую переживанию, сам преображается в страданиях. Скорбь за других – очищает от мирского сора его внутренний взгляд и даёт надежду победить сами пороки... Скорбь Радищева преобразается в гнев. Но это гнев любящего людей человека. А.С. Пушкин охарактеризовал общий дух "Путешествия..." как дерзость мыслей и выражений, которая выходит из всех пределов. Одно соображение можно привести в оправдание подобной "дерзости": когда автор не ставит себе никаких "пределов" в сострадании – он получает моральное право и обвинять и обличать без ограничений всё то, что считает причиной страданий...

Учёные называли этот человеческий феномен "византизмом типом личности", которая отличается "духовной дерзостью, чуждой мелкому житейскому благоумию...". Это мужество веры, которое позволяло противостоять жизненным невзгодам, "осаивать резко континентальную территорию; подобно Сергию Радонежскому более десятка лет жить в заснеженной лесной пусты-

не. Этот тип характеризует себя, например, словами протопопа Аввакума, ответившего жене относительно того, долго ли им ещё мучиться: "Всю жизнь, матушка". (В.Ф. Шаповалов, *"Византиское культурное наследие"*)

Этот тип мученика, который пришёл к нам из Византии вместе с её культурой и "неповреждённым" христианством, занимал особое место в духовном становлении русского общества. Его духовное становление было настолько же глубже и выше в своей нравственной красоте и Божественной правоте,

насколько проповедь Христа выше уроков этики в обычном учебном заведении.

В одной из работ Юрий Лотман при-

водит слова декабриста Пущина, сказанные им в разговоре с царём. На вопрос Николая: как вы решились на это дело? – отвечал: "иначе я бы считал себя подлецом". "Этим он говорил, – поясняет Ю.Лотман, – у меня есть совесть, есть выбор. Итак, чему же учатся люди? Люди учатся Знанию, люди учатся Памяти, люди учатся Совести. Это три предмета, которые необходимы в любой Школе и которые вооблали в себя искусство". (Ю.Лотман, *"Чему учатся люди"*)

Но в вере всё это даётся Богом: совесть и сострадание, любовь и смирение приходят здесь в душу человека вместе с верой, как откровение. Это откровение, посетившее князя Владимира после крещения, когда он вдруг пожалел разбойников, приведённых на казнь! Это слёзы умиления Преподобного Серафима Саровского, с которыми он встречал каждого приходящего к нему человека. А.Н. Радищев не выдержал мучений от преследований власти. Он поддался отчаянию и покончил жизнь самоубийством. В самый

сложившиеся и в семье Ульяновых, и в семье Романовых, не самые идеальные.

Автор не хочет предугадывать историю, он следует за ней. Олег Дарк, в принципе, верно сказал об осознанном "незнании" писателем Константином Беловым будущей истории. Если провидеть в героях, будь то Николай Второй, или Владимир Ленин, – всю их дальнюю судьбу, тогда и читать роман не обязательно.

А здесь же мы в ожидании, вдруг все пойдёт не так, вдруг по-иному? В этом смысле альтернативность прозы

даёт читателям надежду на неожиданное развитие событий.

Сын палача становится умелым промышленником, главным производителем лаптей в России, расширяя свою сеть торговых агентов Тимофеем Фроловых выходит и на Владимира Ульянова, передаёт ему солидную сумму денег на развитие лапотного производства, на эти-то деньги Ульянов основывает свои первые революционные газеты. Все реальные герои завязаны через героев вымышленных.

С другой стороны, на лапотника Тимофея Орлова выходит и сам император Николай Второй, желающий переобуть в русские лапти и германскую армию, и всю далёкую Азию, вплоть до Кореи. Идеи эти не воплощаются в жизнь, этакий имперский Лаптизм замер то ли перед прыжком, то ли перед отступлением. В романе есть некий ритм ожидания чего-то иного. Это и зайцы, убежавшие от ружья Ульянова, и наследник, которого никак не могут дождаться царь и царица, туманно надеясь на некоего пришельца. Это и появление нежданного ребёнка от романтической связи Ульянова с пригласившей его женщиной. Причём это иное наступает не стремительно, читатель не даёт надвигающиеся события, он успевает их осмыслить, прочувствовать, сопереживать с ними.

Сам Константин Михайлович Белов не выступает в роли мистификатора, любые альтернативные события он основывает психологической достоверностью. К примеру, я впервые читаю о сложных отношениях в семье Ульяновых, автор выстраивает их не ради сенсации, а исходя из строго документальной истории семейства. В интервью журналу "Огонёк" автор говорит: "...Вот вам два факта. В кабинете на диване в одиночестве умирает отец, Илья Николаевич, пока остальные оживлённо трапезничают. Любимого сына Сашу на похороны не приглашают. А вот и простая житейская психология: Мария Александровна просто решила не отрывать старшего сына, надежду семьи, от занятий, к тому же и ехать дорого. В этом вся она: никакие чувства не должны мешать осуществлению её планов. Но я более милостив, чем мой герой Саша Ульянов, как взрослый человек, я понимаю: её сделала такой женщиной. Для Марии Александровны главная цель – материальное положение стремительно беднеющей семьи, а ведь надо же ещё и младших поднять на ноги! Она ничего уже не видела больше вокруг. Поэтому революционная деятельность Саши, а

трудный момент не оказалось с ним рядом духовного отца и наставника.

Известный философ Д.И. Чижевский писал, что "со времён Ренессанса церковь выпустила из своих рук водительство культурным движением человечества. Это движение пошло таким путём, который вызывал её (церкви, – В.С.) вполне справедливое недоверие и отчуждение". (Д.И. Чижевский, *"Русские философы"*)

...Культурологи и публицисты в своих статьях всё чаще в разных выражениях проводят одну мысль, что заканчивается эпоха христианской культуры. Истоки этого пессимизма, скорее всего в заблуждении, что верующих пестуют в культурных учреждениях. А поскольку истинно православных людей пока мало, делается неверный вывод, что сдаёт свои позиции и христианская культура. На самом деле мир, где создаётся вечная жизнь, почти не зависит от состояния культуры и не определяется культурой. Конечно, система религиозно-нравственного воспитания в обществе помогает людям в их духовных исканиях.

Но всему начало – подвижнический духовный подвиг тех, для кого смыслом жизни стала любовь к Богу. Во времена, предшествующие правлению Екатерины Второй, в России было 732 мужских и 222 женских монастыря. Выходцы из них, монахи, служили в приходах по всей России. Было кому сказать прихожанам сокровенное слово, на примере собственного опыта показать пути к постижению веры. Но к концу 18-го века было уничтожено четыре пятых всех монастырей. Созданные Екатериной Второй мasonicкие ложи, по меткому выражению В.В. Кожинова, выполняли роль суррогата церкви в дворянском и отчасти купеческом обществе. Ни один светский институт воспитания, ни одно учреждение культуры не в состоянии заменить то влияние, которое оказывает на души людей преображённый верой человек.

Главной задачей православного верующего Преподобный Серафим Саровский считал "стяжание святого Духа". Большую часть своей жизни отец Серафим провёл затворником, а потом стал учить и духовно врачевать людей! Без этой помощи людям его молитвенный подвиг был бы незавершённым.

Так же поступали старцы Оптиной пустыни, Троицко-Сергиевской лавры и других святых мест. А для верующих этот опыт Православия бесценен. Обособление в тиши монастырей много дало будущим проповедникам. Они постигли Благодать, чтобы потом эту силу Божью передать страждущим посетителям. Для того чтобы верной дорогой идти по земле, любому верующему надо сначала "научиться ходить по

Владимир БОНДАРЕНКО

потом и Володи – была и для неё своего рода отступничество. Она-то думала, старшие дети выучатся, станут опорой семьи, источником доходов...". Так что на любую альтернативность в романе автора подталкивает не неумённая фантазия, а логика фактов, опора на документы. Разве не интересно такое объяснение и ленинского псевдонима, и его докжуанского списка: "Я давно думал, что должна быть какая-то глубокая любовь в жизни моего Владимира. И всё не мог найти.

Как вдруг в современной питерской газетке "Совесть" попало интервью с

воздуху", то есть постигнуть существо Евангелия. "Закон духовен, – настаивал Преподобный Макарий Египетский. – Если для нас было написано, мы должны всё понимать духовно и ничего по-иудейски или по-плотски".

Н.В. Гоголь считал, что католики знали секрет: как верующего сделать не только преданным церкви, но ещё и законопослушным рачительным хозяином на своей земле, защитником отечества и государства. Действительно, усилиями Папской власти – католики удачно соединили уважение к религиозным обрядам и ответственное отношение к своим гражданским обязанностям. Но последователей такой "внешней" официальной религии приходилось всё время контролировать, поправлять и наказывать! Церковная инквизиция держала католика в постоянном страхе. Однако когда человек не создаёт веру в самом себе, а только подчиняется внешним правилам, тогда есть соблазн их обойти.

...Весь предшествующий Православия опыт религиозной жизни убедительно показал: как опасны и вредны крайности, особенно – недооценка величайшей пользы специального религиозного опыта "чёрного" духовенства, то есть монахов, с одной стороны, и необходимости для духовенства неустанно работать с паствой – с другой!

В начале 90-х годов Россия возвращается к активному Православия. Сотни храмов пережили второе рождение, открылись новые приходы. Но материальную часть церквей восстановить проще, чем духовную силу проповеди наших церковных наставников.

Нам сейчас нужно много новых наставников и учителей православия. Просто необходимы такие творческие люди, каким был в своё время А.Н. Радищев! Слеза сострадания, которая когда-то упала на рукав его камзола, как метафизическое понятие, не высохла. Она засверкала в глазах Льва Толстого, Максима Горького. Она вспыхнула во взгляде писателя Леонида Бородин. Только сейчас мы начинаем понимать: как много мы потеряли, не дослушав его бесед и выступлений...

Свои свечети, свои духовные наставники должны быть в мирской жизни, так же как и в церковной. И они должны получить от государства и общества самые широкие возможности для своих выступлений, для систематической работы с самыми разными аудиториями. Всё чаще в статьях и выступлениях публицистов проводится мысль: поймём своё богословие – станем другими! Только совместные усилия людей, отмеченных Богом, с ищущей Бога беспокойной душой, позволят состояться человеку в качестве человека!

Константин Белов "Уроки". Роман. Изд. "Живое слово". М., 2014.

Проза Константина Белова альтернативна всему – и литературному мейнстриму, и привычным делениям на левых и правых, на беллетристов и интеллектуалов. Альтернативна она и в привычном подходе к отечественной истории. Если исторический прозаик описывает конкретные исторические события, может ли он фантазировать? Конечно, нет. И в этом смысле Александр Дюма совсем не исторический писатель. Вот и Константин Белов в своей прозе предпочитает оживлять историю своими допущениями, не нарушая главного её закона.

Константин Белов в своем последнем романе "Уроки", продолжаящем его же предыдущие романы "Палач" и "Ученики", исследует судьбу двух извещенных русских семей: императора Всея Руси Николая Второго и дворянина из Поволжья Владимира Ульянова, более известного как Ленин. Судя по всему, если хватит сил у автора, должно последовать и завершение их судеб, известное нам всем. Будем ждать.

Ни апологетам Николая Второго или Владимира Ульянова, ни их лютым оппонентам лучше этот роман не читать. Нет в нём ни обличения, ни восхваления. К тому же автор даёт достаточно вольную альтернативную трактовку их биографиям, при всем уважении к личности и одного, и второго. В чистом виде – альтернативная проза. Что было бы, если бы...

Любопытен мне и сам автор романа. Родился на Волге, в городе Горьком, в далёком ныне 1932 году. Стало быть, ныне уже и отпраздновавший своё восьмидесятилетие, одного года со Станиславом Куняевым, в журнале Костяного вполне мог бы появиться и этот роман.

Почему же мы о нём ничего не знаем? Юный вундеркинд, и школу закончил с золотой медалью, и мехмат МГУ, и сразу же аспирантура Математического института Академии Наук. Так до начала восьмидесятых годов и работал математиком, писал учёные труды и учебники. Хотя уже в семидесятые годы, подобно Александру Зиновьеву, параллельно начал пробовать себя в литературе, даже успев выпустить две книги в самых известных советских издательствах: повесть "Квадратный корень" в "Советском писателе" в 1988 году, и сборник рассказов "На Волге" в "Художественной литературе" в 1989 году.

Вообще-то, в таких издательствах, куда и именитым писателям не так легко было в те времена пробиться.

Но началась крутая перестройка, всем стало не до литературы. Уверен, выйдя его нынешние романы, пусть и в урезанном цензурой виде, ещё до перестройки, писатель был бы также популярен, как Валентин Пикуль. Как говорят, не легла карта.

Помешала математика, и все свои альтернативные исторические сказания Константин Белов сумел издать лишь в нынешнее нечитательное время. Впрочем, первая часть его альтернативного замысла, роман "Палач", вышла ещё в 1992 году стотысячным тиражом, когда народ увлекался чтением, успешно была распродана, и пе-

реиздана в 1993 году вновь стотысячным тиражом. Но автор не стал, подобно Эдварду Радзинскому и другим историческим беллетристам, стремительно гнаться наперегонки со временем, он неспешно продолжал своё расследование. Копаless в архивах с математической дотошностью. Как итог, его роман "Уроки", вчерне написанный ещё в 1998 году, вышел лишь в 2014 году в издательстве "Живое слово" совсем небольшим тиражом.

Думаю, любителям исторической прозы, да и вообще истории XX века, специалистам по царствованию Нико-

лая Второго и жизнедеятельности Влади-

мира Ульянова-Ленина придётся раз-

ыскивать этот роман в библинисти-

ческих лавах. Или же переиздавать его.

А роман того стоит. В девятые годы, когда обществу навязывались проплаченным пиаром лишь коммерческие имена скучной Татьяны Толстой, манерных постмодернистов от Михаила Шишкина до Илличевского, сколоченных по американскому образцу беллетризованных творений

Б.Акунина и Т.Успенской, без хорошо-го пиара в литературу прорваться было почти невозможно. Как справедливо писал мой коллега Владимир Новиков, царил "победоносное торжество скуки и мертвечины". Незлобное, неспешное исследование русской истории представлялось никому не нуж-

ным. Хотя, казалось бы, семейная сага на исторической основе, читатели должны были схватиться, поразиться неожиданным "открытием" автора. К примеру, по мнению автора, у Николая Второго не было никакого родного сына, наследник Алексей был ему чужой, и, наоборот, у Владимира Ильича родной сын имелся. Эти альтернативные исторические детали лишь оживляли и скрепляли сюжет.

Ко всему прочему в романе имелась и чётко-осознанная и фантазийно-придуманная идеологическая концепция – идеология Лаптизма, в случае с Николаем Вторым – Лаптизма имперского, в

Альтернативная проза

кизм, или ещё что-нибудь типично русское, отделяющее нас от прочей Европы. Для него Лаптизм в самом разном обличье – это признак русскости, самобытности, без всякого отрицательного смысла.

Я даже не понимаю, почему автор столь необычной альтернативно-исторической прозы был практически не замечен критикой? Не похвалили бы, так разругали бы, или в "Советской России" за недопустимое вольтерничество с образом вождя революции, или в "Новой газете" за воспевание русского лаптизма, как образа жизни. Есть с чем и поспорить в романе, есть с чем и не согласиться. Но совсем не заметить никак нельзя было. Вот оно – наше коммерческое время. Даже разгром требует организовывать и проплачивать. Удивляет полное замалчивание в печати этой трилогии.

Пожалуй, назову только интересную статью Олега Дарько "Принесённые в жертву", опубликованную в "Знамени" и посвящённую первой части романа.

Все три книги романа сконцентрированы на семейной хронике двух всем известных семей – венценосных Романовых и революционных Ульяновых.

В первом романе "Палач" в центре событий яркая и трагическая судьба старшего брата Владимира Ленина – старшодольца Александра Ульянова, соединённая с судьбой спасителя его в раннем детстве, а впоследствии известного царского палача Ивана Фролова, казавшего Александра Ульянова и других участников покушения на царя, и в результате покончившего жизнь самоубийством. Этот палач когда-то вытаскивал маленького Сашу Ульянова прямо из-под колеса кареты цесаревича Александра. Позже он стал царским палачом и совершил казнь всех участников неудавшегося покушения на царя.

Затем идёт повествование о детстве наших героев – "Ученики", а в третьей части этой пока ещё трилогии мы встречаем уже незримое противоставление, противостояние двух заметных исторических героев – Николая и Владимира. К тому же писатель не держит в голове какую-то идеологическую схему, ни просоветскую, ни антисоветскую, он идёт от развития живых характеров героев и развития самого общества. Кто из героев, Николай или Владимир, был более недоволен укладом жизни, сразу и не скажешь. Даже отношение к старшему брату у Владимира Ульянова индивидуализировано, лишено прямой идеологизированной подоплёки. Да и вообще, отношения,